

Его сердце наконец успокоилось.

Но как только он расслабился, он почувствовал, как что-то упёрлось ему в низ живота, вызвав новый приступ страха.

Не Чэн с недоверием опустил голову, и в голове у него грохнуло:

— Едрить твою через коромысло! Ты... как ты встал! Быстро ложись обратно!

— ...

Цинь Фэйфэн довольно невинно посмотрел на Не Чэна и довольно послушно лёг обратно.

Не Чэн закричал:

— Я не говорил тебе лечь обратно!

Цинь Фэйфэн выглядел ещё более невинным. Его единственный глаз поморгал, разглядывая Не Чэна какое-то время, затем он нерешительно потянул руку Не Чэна и осторожно положил её туда.

— Не Чэн, тяжело, — произнёс он, и его взгляд постепенно становился туманным, словно он что-то вспоминал. — Помаешь — и станет легче.

Не Чэн изумлённо открыл рот. Он помнил ту ночь в Тереме Изгнанного Бессмертного!

Но... но тогда он был под воздействием афродизиака, и Не Чэну пришлось помочь ему в силу обстоятельств. А что это за ситуация сейчас?

Из-за того, что он только что высасывал из него гу?

Что он, настолько полон энергии?

Самое главное, он больше не может делать такие вещи с ним. Он сейчас же... но...

— Я твой отец.

Не Чэн растерянно произнёс это.

Цинь Фэйфэн понял.

— Ты не мой отец, — Цзю Фанью перевернулся и вдруг прижал Не Чэна к себе, сказав с крайней серьёзностью. — Ты моя жена.

Не Чэн был ошеломлён тем, что его прижали. Он уже хотел сказать: «Да заткнись ты, сейчас от слова "жена" меня передёргивает», но вдруг всё его тело дёрнулось:

— Цинь Фэйфэн?

Не Чэн в ужасе посмотрел вниз.

Что за чертовщина? Похищение?

— Отпусти! — Не Чэн крикнул строгим голосом.

Цинь Фэйфэн, казалось, был на секунду напуган внезапным гневом Не Чэна и инстинктивно дёрнулся. Не Чэн подумал, что он сейчас отпустит, но тот лишь немного опустил голову, с угрюмым видом посмотрел на него и пробормотал:

— Я... тоже хочу, чтобы Не Чэну было приятно.

Лицо Не Чэна окаменело, потом он выплюнул слова вместе с слюной:

— Благодарю за твою сыновнюю почтительность! Мне это не нужно!

К тому же, если он будет действовать без чувства меры, сломает мне что-нибудь, что тогда?

Думая об этом, Не Чэн с нахмуренными бровями смотрел на лицо Цинь Фэйфэна, которое казалось несколько раздосадованным, но в то же время заставлял себя успокоиться. Он думал: раз он дурак, то за такую ситуацию нельзя полностью винить его. Он, как отец, должен сохранять спокойствие.

Так они провисели в тишине какое-то время, затем Не Чэн вздохнул и снова заговорил, стараясь, чтобы голос звучал как можно более назидательно:

— Цинь Фэйфэн, сюда нельзя позволять другим касаться по своему желанию, и тем более нельзя трогать других без разрешения. Это очень аморально, понимаешь?

Цинь Фэйфэн посмотрел на него, в глазах читалось упрямство, но также и некоторое замешательство.

— Не Чэн... тоже нельзя? А в прошлый раз...

— Нельзя, — перебил его Не Чэн. — В прошлый раз это был случайность, я спасал тебе жизнь. Ты... забудь об этом.

Глаза Цинь Фэйфэна мгновенно покраснели:

— Нельзя забыть, это был Не Чэн.

— ... — Где-то в глубине души Не Чэ что-то дернулось, но он быстро и решительно отмёл это. — В любом случае, мы больше не можем делать подобные вещи. Быстро спускайся, ты разве не голоден? Я уже снова проголодался.

— ...

Цинь Фэйфэн замолчал, его опущенный единственный глаз был скрыт растрёпанными прядями волос, падающими на лоб, и было неизвестно, о чём он думает.

Не Чэн подождал немного, не видя дальнейших действий, и подумал, что тот, вероятно, больше не будет бесчинствовать. Он хотел сказать, что если ему действительно невмоготу, то можно справиться самому...

К сожалению, он не успел открыть рот, как крик застрял у него в горле. В следующую секунду он обнаружил, что Цинь Фэйфэн вдруг начал действовать.

— Бля!

Не Чэн выругался.

Он никогда ещё не был так уверен, что он идиот, раз снова и снова надеялся, что сможет объяснить что-то дураку.

А после того как он выругался, он явно почувствовал, что Цинь Фэйфэн недовольно слегка ущипнул его, словно снова предупреждая: нельзя ругаться матом.

Чёрт возьми, ты знаешь, что «бля» — это мат, но не понимаешь, насколько груб то поступок, который ты совершаешь сейчас!

— Хочу делать это только с Не Чэном... — Цинь Фэйфэн будто одержим какой-то невыразимой навязчивой идеей, тон его был жёстким, но в то же время обиженным.

Не Чэн от головной боли не хотел больше гадать о логике дурака, но он и не мог позволить событиям развиваться дальше. Поэтому он изо всех сил толкнул Цинь Фэйфэна несколько раз. Видя, что тот безразличен, он стиснул зубы, с трудом вытащил одну руку и со всей силы «хлоп!» — slapped Qin Feifeng's face.

Этот пощёчина не оставила места пощаде. Не Чэн неосознанно использовал правую руку, и после удара вся ладонь онемела, пальцы непроизвольно дрожали.

Половина лица Цинь Фэйфэна мгновенно покрылась красным отпечатком пальцев, повязка на левом глазу была сдвинута набок, и наконец он остановил свои действия.

Но он, казалось, не почувствовал никакой боли, просто сохранял прежнюю позу в замешательстве, помолчал немного и спросил с недоумением:

— Почему у Не Чэна здесь не так?

Потом он поднял голову и увидел, что Не Чэн в какой-то момент уже закрыл глаза рукой.

Было слышно лишь холодное и безапелляционное заявление Не Чэна:

— Конечно, потому что мне не интересен дурак.

— ...

Цинь Фэйфэн смотрел на Не Чэна потерянно, на этот раз наконец отпустил его.

Не Чэн не знал, понял ли он на самом деле его смысл, да ему и было лень об этом думать. Он кубарем скатился с кровати, не обращая внимания на необычно тихого Цинь Фэйфэна, и прямо вышел из комнаты.

Он с самого начала не поднимал головы, поэтому Цинь Фэйфэн так и не увидел его глаз, похожих на глаза кролика.

На самом деле, Не Чэн не имел особого желания защищать такую незримую и неосязаемую вещь, как целомудрие.

Точно так же, как он согласился стать женой Цзю Фанью, конечно же, не из-за того, что любил другого. Он просто думал, что по сравнению с жизнью Цинь Фэйфэна, пусть он даст ему поспать разок — какая разница?

Какое целомудрие, когда Цинь Фэйфэн такой милый?

Но только что он обнаружил одну проблему — проблему, которую он раньше намеренно игнорировал.

Он прочёл столько грязных книжек, вёл себя бесстыдно, флиртовал с цветами и травой, в голове рисовал бесчисленные сцены того самого «того», даже фантазировал, как двое мужчин могут заниматься «тем».

Однако —

Он никогда по-настоящему не испытывал желания.

Он действительно несколько раз запирался у себя в комнате и в одиночестве пытался повторить то, что было на картинках, к сожалению, безуспешно, из-за чего он какое-то время считал, что его техника слишком плоха.

Потом он решил, что, наверное, слишком долго каждый день смотрел на фей на Террасе Бессердечия, отчего стал немного равнодушен к плотским утехам. Поэтому, как только вошёл в город, он под предлогом сбора слухов отправился в Терем Изгнанного Бессмертного и нетерпеливо нашёл двух девушек, которые пришлись ему по вкусу. В итоге, как бы старательно те девушки ни старались, до самого конца он не испытывал ни малейшего желания углублять общение, кроме как пытаться сбрызнуть им свои ароматические мешочки.

Включая тот случай, когда он позже не сдався и пробрался на восточный двор, и Цинь Фэйфэн, находящийся под действием зелья, трётся о него так, что всё тело будто загорелось, но как раз там тоже не было никаких движений.

В то время из-за бреда Цинь Фэйфэна во сне ему было не по себе, а потом он наткнулся на Хань Ису, который устроил кучу пакостей, поэтому он подсознательно подавил в себе догадки и даже с крошечной надеждой думал: возможно, где-то была ошибка.

Но сейчас он внезапно почувствовал, что проблема стала довольно серьёзной.

Он оценил, что это правда... не способен на близость.

И хотя он давно подозревал это и, по идее, не должен был реагировать так остро, но когда его только что так грубо оставил Цинь Фэйфэн, можно сказать, что он злился не столько на необоснованного Цинь Фэйфэна, сколько на внезапное отвращение к своему собственному телу.

У него слабое здоровье, он не может практиковать боевые искусства, правая рука инвалид — он со всем этим смирился и даже радовался свободе, но как же он может не быть даже нормальным мужчиной?

Почему?

Из-за того, что это тело получило тяжёлые травмы?

Или до потери памяти произошли другие особые события?

Или... это... это врождённый недуг?

— Молодой даос?

Голос внезапно раздался над головой, Не Чэн неосознанно поднял голову, и связка ярко-

краских сахарных фруктов на палочке едва не втыкается ему в нос.

Только он увидел, что старик, толкающий тележку с сахарными фруктами, наклоняется и смотрит на него.

Не Чэн только в этот момент обнаружил, что после выхода из гостиницы он бесцельно бродил по улице, не зная когда, и присел перед дверью какой-то медицинской клиники, уставившись туда, пока почти не стемнело.

Не Чэн постучал по онемевшим ногам и неуверенно встал:

— У меня нет денег.

Но старик улыбнулся, сунул сахарные фрукты в левую руку Не Чэна и, словно невзначай, утешил:

— Я вижу, ты сидишь здесь уже давно. На самом деле, в жизни человека встречается много неудовлетворённого, от одного уйдёшь, а от другого не уйдёшь. Лучше съешь сахарные фрукты.

После этих слов старик бросил взгляд куда-то позади Не Чэна.

<http://bllate.org/book/16908/1556892>